

фантастическая
история

Книги Виктора Сиголаева
в серии «Фантастическая История»

ФАТАЛЬНОЕ КОЛЕСО
ФАТАЛЬНОЕ КОЛЕСО. ДВАЖДЫ В ОДНУ РЕКУ
ФАТАЛЬНОЕ КОЛЕСО. ТРЕТИЙ НЕ ЛИШНИЙ
ФАТАЛЬНОЕ КОЛЕСО. НА ВСЕ ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ
ФАТАЛЬНОЕ КОЛЕСО. ПЯТОЕ КОЛЕСО В ТЕЛЕГЕ
ФАТАЛЬНОЕ КОЛЕСО. ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

МОСКВА, 2021

фантастическая
история

Виктор Сиголаев
**Фатальное
Колесо.**
Шестое чувство

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С34

Серия основана в 2010 году
Выпуск 153

Сиголаев В. А.

С34 Фатальное колесо. Шестое чувство: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021. — 282 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-3378-0

Дайте уже спокойно доучиться студенту техникума! Диплом на носу, курсовые достали, предстоящая сессия угнетает неимоверно, а тут новая напасть — появилось неведомое шестое чувство. Мистическое. Чуть что — замираешь во времени, как муха в янтаре. Это к тому, что в голове учащегося советского учебного заведения находятся мозги пятидесятилетнего мужика из двадцать первого века. Ничего себе так коктейльчик! И к чему он приведет?

Не поверите... к наркоманам. К рядовым советским наркоманам, которых в восьмидесятые еще не так уж и много в стране. На старте, так сказать. На подъеме. И с этим надо что-то делать. Прогрессор я или... погулять вышел?

Живым бы остаться...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сиголаев В. А., 2021
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021

ISBN 978-5-9922-3378-0

Почти все персонажи романа являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайно. Ключевое слово — почти.

Глава 1 ЧТО ТАКОЕ ОСЕНЬ? ЭТО...

Ноябрь.

Хмарь, слякоть и депресняк.

Да уж... лучше и не придумаешь. В общем, не люблю я конец осени. Почему? Ну, во-первых, это... некрасиво. В смысле — холодно, для начала. К тому же и само название этого месяца звучит как-то промозгло: ноя-бырь. Брр... как мокрое и осклизлое чудовище из глубин сознания. Со всепроникающими щупальцами, само собой.

«Бырь»! Рыба моей мечты.

Вот сколько ни пытался найти хоть что-нибудь позитивное в ноябре — тщетно. Дно года: дождь, ветер, холодина. Плюс сопли, горло и кашель. «Унылая пора»... но очей почему-то не очаровывает: листвы уже нет, снега еще нет — даже если ты живешь в средней полосе, любишь кататься на лыжах и уже недели как две привез эти деревяшки из гаража. В квартиру, между прочим! Где и так не протолкнуться. Ну и чего? Мебельные колесики теперь к лыжам привинчивать? То, что белеет в полях, снегом назвать язык не поворачивается, да и совесть не позволяет: это скорее старый и обнаглевший иней, чем благородный снежный покров.

Но страсть по лыжам, отягощенная депрессионной составляющей заката года, — это пока еще в далеком будущем. Когда окажусь на дембеле и сдуру уеду жить не в родной Крым, а куда-нибудь... под Нижний Новгород. Э-эх! Какого-то годика перед пенсией не хватит до «Крымской весны». Родиться бы чуть позже! Обидно.

Но это потом.

В будущем. И... еще не факт, что в этом варианте реальности вообще понадобится «Крымская весна». Так сказать, для тор-

жества здравого смысла и справедливости. Все исходники еще могут поменяться. И я даже не исключаю, что и не без моего участия. Возможно. Есть, знаете ли, косвенные предпосылки.

Пока же мне всего восемнадцать, и я, на свое счастье, все ж таки в Крыму!

Хоть и в ноябре. Пусть даже и тысяча девятьсот восемьдесят четвертого незабвенного года.

А еще я студент четвертого курса «мазутного» техникума. В том смысле, что... «мазуту» изучаю: судовые двигатели внутреннего сгорания и всякие прочие чумазые силовые установки, которые в прежней своей жизни уже изучал целых четыре года. Причем тут же, в этом самом технаре. Потому как живу в своей юности, в этом чудесном и распрекрасном советском мире, беспечном и беззаботном... второй раз. Да-да! Дубль-версия. Жизненный забег, что называется, пошел на второй круг — по фатальному кольцу необъяснимых явлений взбесившейся Природы.

Собственно, внешне, да и физиологически, я — подросток призывного возраста. Нескладный, худой и долговязый. А вот внутренне... по опыту или, если так можно выразиться, эмпирически, то бишь с учетом внутреннего содержания того самого многострадального сосуда, коим является мозг человеческий, — ихь бин мужчина пожилой и солидный. Военный пенсионер к тому же, на исходе шестого десятка. Так-то! Хотя, напомним, визуально — «юноша бледный со взором горящим». И как же тут этому «взору» не пригореть, коли у молодого парня в башке чудом оказались и память, и опыт, и самосознание взрослого человека. Сильно взрослого!

И даже не спрашивайте, как это произошло.

Сам без понятия. Кто бы знал?

Лично меня в известность не поставили. Сотворили немислимое с ни в чем не повинным гражданином, и... разбирайся как хочешь. Катись, мол, колечко фатальное самостоятельно по рытвинам и ухабам советского реализма! Прыгай по кочкам марксистско-ленинских стереотипов да по выражам государственного мифотворчества. Глядишь, чего и полезного накатаешь на этом замысловатом маршруте. Благо и опыта теперь не занимать, да и шестое чувство обострено до безобразия. А как же иначе? В одной голове — и старый, и малый. Труднообразимый симбиоз, о котором Тургенев со своими Базаровыми да Кирсановыми и мечтать не мог. Два в одном: «отцы», понима-

ешь, и «дети» в одном носителе. А ежели они, к примеру, пере-дерутся в общей черепной коробке?

По крайней мере, ссорятся они часто...

Тем не менее относительно благополучно, но все же дока-тился я по этой крутой беговой дорожке аж до студента судостроительного техникума. Выпускного, божьей милостью, чет-вертого курса. Особо подчеркну — именно «студента», а не ка-кого-нибудь беспонтового «учащегося», как норовят нас мора-льно унижить некоторые малodelикатные преподады. Сами вы... «учителя!» Что, не нравится? Вот и мы тогда... вовсе и не учащи-еся, а студенты! Это потому как минимум, что учеба в судостро-ительном проходит по напряженке, что называется, на грани реального экстрима. И ничуть не проще «вышки»!

Сами посудите — бóльшую часть материала для курсовых работ ты добываешь самостоятельно, с болью отгоняя сладкие грезы об Интернете, который проклонется первыми робкими сайтами лет эдак через десять. И то не в нашей стране. А сей-час — не успеешь что-то законспектировать, значит, потеряешь свое молодое цветущее здоровье в пыльных запасниках техни-ческой библиотеки. И не факт, что с трудом добытые знания удовлетворят капризного преподавателя: не любят они, пони-маешь, когда их священные лекции прогуливают, независимо от степени «уважительности» причин — человеческий фактор, знаете ли! Начнется потом на экзамене: «не та структура мате-риала», «не та подача знаний», «не тот принцип классификации механизма», или даже — «неверный подход к обоснованию тех-нического решения конструктивной схемы с точки зрения пе-редовой инженерной мысли (... барабанная дробь...) советского судостроения (!!!)».

Съели? Студиозусы. И здесь пролетарский подход в литера-туре!

И не только в ней...

Советская школа! Суровая и беспощадная, как... русский бунт. Зато «подача знаний» — хоть с лекции, хоть с библиоте-ки — впечатывается в многострадальную головушку на всю оставшуюся жизнь! Под кожу уходит, куда-то ближе к лимфо-узлам. Потому что верхняя, так сказать, оперативная память организма забита уже под завязку. Хотя бы... правилами по-строения эпюр изгибающих моментов, где бы там ни произош-ло варварское защемление терпеливой и многострадальной опоры. Сдал сопромат — можешь жениться! Приступай к вос-

производству очередных сумасшедших специалистов для любимой социалистической страны.

А вы говорите — «учащиеся».

Сейчас уже так не учат, ЕГЭ вам в помощь: поставил крестик и забыл. В советском техникуме такое вряд ли прокатило бы!

Чего только стоит курсовая по машиностроительному черчению: проектирование судового двигателя внутреннего сгорания с графическим исполнением фронтального разреза оно в натуральную величину.

Повторюсь — «в натуральную величину». Судового двигателя внутреннего сгорания!

Вы слышите?

«В» — японского городского — «натуральную» — растудить ее морским якорем — «ве-ли-чи-ну» — шатун-н-но-кривошипного впечатления ей по всему ватману! Да это, на секундочку, изографический шедевр в полтора человеческого роста! На двух нулевых форматах — для тех, кто понимает, о чем это я сейчас брежу. Посредством простенького карандашика. Лучше тверденького. Да при содействии школьной линейки в тридцать смэм, той, что из дешевенькой пластмассы класса «пороховуха».

Плачь, Ван Гог. Рыдай, Эль Греко!

Ужо грядет изощреннейший «портрэт» железного монстра во всей его красе — от воздухозаборника на блоке цилиндров до самой распоследней шайбы Гровера! И ведь не судьба срисовать откуда-нибудь этот грустный натюрморт, распластав чудом добытую кальку на снятой оконной раме. Извольте сами все рассчитать, сударь. Иными словами — лично «изобрести» всю эту злобную железяку, да по заданным критериям. И чтоб «картина» была без помарочки! И толщина линий — ни на микрон в сторону. И шрифты желательны чтоб все по нормоконтролю, а это тот еще «зверь» — рискни только загнуть хвостик у какой-нибудь буквы «Д» не в ту сторону, куда положено: сразу же начнется — «не учил, не читал, не знаешь, не владеешь» и... передача в конце сессии! С новыми исходными.

О-о... страшный сон и мураши по коже. Размером с кулак.

А сдать эту боль нужно... в ноябре. (Рыба «бырь», помните? Та, что с щупальцами). Чтобы — вслушайтесь только в цинизм посылы — «освободить декабрь месяц для предварительных зачетов по более серьезным дисциплинам перед основной сессией в январе». Которая обещает состояться величиной аж в че-

тыре полноценных экзамена и пять уже не предварительных, а самых что ни на есть настоящих, кусачих и смертоубийственных зачетов. Десятым номером — как раз та самая зубодробильная курсовая с чертежом дизелюхи. Которая якобы «полегче» всего остального будет.

Каково?

Беспросвет, хоть волком вой.

...Ненавижу ноябрь!

Впрочем... будучи рабом на технарских «галерах», ты этот месяц практически и не замечаешь. Ровно как и все остальное, что мешает напряженному учебному процессу — девчонок, музыку, пьянки-гулянки, для которых ты давеча уже отметил свое восемнадцатилетие и даже получил годовую отсрочку от армии.

Точно! Меня же как раз в ноябре и призовут... через год.

О, ноябрь! А что еще от тебя хорошего ожидать? Братец ты наш, одиннадцатый. «Блохин»¹ года. Даже с армией, и то накосячил. Ждут меня где-то на армейских складах мои первые кирзачи! Пылятся, скучают. Ну... ладно, поскучайте еще годик.

— Сколько-сколько у тебя лошадей? Триста? — Вовка Микоян, вытянув шею, оценивал мои техусловия, что выдала чертежница. — Тебе повезло, друг. Знаю, где можно готовый чертеж содрать.

Мы всей группой сидим в чертильне, как шаловливое студенчество окрестило кабинет черчения, и получаем персональные приговоры — исходники для курсовой по дизелям. Можно сказать, программу развлекательных мероприятий на весь пресловутый ноябрь. Чертильня у нас на третьем этаже и окнами выходит на причал рейсовых катеров, что челноками бегают на Северную сторону и обратно.

Я, если честно, загляделся на них.

Море — восхитительно мрачное! Роковое: стылое, свинцовое, ультрадепресссионное. Как судьбинушка моя студенческая. Тучи над водой — еще мрачнее моря. Нависают над волнами, что Дамоклов меч над фаворитом тирана! Того и гляди рухнут на ни в чем не повинные кораблики, что скучают на рейде.

---

¹ О д и н н а д ц а т ь — излюбленный номер на футболке Олега Блохина, гениального советского футболиста, игрока легендарной команды «Динамо» (Киев) в 1969—1988 гг., рекордсмена сборной СССР по футболу по количеству проведенных за нее игр и забитых голов. Самый скоростной нападающий Союза. Случайно это или нет, но стометровку Блохин всегда пробегал в пределах одиннадцати секунд (мировой рекорд — 9,58 сек, Усэйн Болт, Ямайка). — *Здесь и далее примеч. авт.*

Под нашими технарскими окнами, ежели направо и наискосок, — виднеется брусчатка площади Нахимова и Графская пристань. Сердце города. Даже... душа, наверное. Хоть что-то в этом унылом ноябрьском мире греет и радует — красоты наши местные! Когда особо тошно — можно, взгрустнув, поглазеть на достопримечательности, за которыми иные туристы едут сюда за тридевять земель.

Ясно вам, туристы? Вы едете, а я тут живу! И учусь... в любимом техникуме. Боже, кого я обманываю?

— Нереально, — в сердцах отмахнулся я от Вовки, закончив любоваться колоннадой парадного прохода и остатками листьев на платане у причальных касс, — чертилка свое дело знает. Неоткуда содрать. Все каналы контрабанды давно перекрыты, и все совпадения чуду подобны.

Если кабинет — чертильня, понятно, как мы называем ее хозяйку.

— Твое дело, — флегматично сказал Вовка. — Я просто видел этот двигун. Своими глазами.

— В смысле двигун... Чертеж?

— Нет, блин. Автопортрет! Работы Айвазовского. Конечно, чертеж!

— Где, Вовка? Душу продам!

— Обойдусь без твоей продажной души. А видел — в Камышах. На «Югрыбе». Я там на практике ерундой страдал, в архиве. И движок этот даже описывал в отчете — ровно три сотни кобыл. Габарит у него до метра в ширину. Так же у тебя в задании?

Я зашуршал калькой.

— Ну. Верно!

— Четырехтактный, обороты полторы тысячи...

— Правильно! О боже...

— Вот видишь. Везет же... людям. И не надо тебе ничего изобретать, метнешься в архив, стащишь чертеж — и готово. Кстати, филиал архива есть тут, неподалеку. В центре почти. А вот у меня, смотри, — он перебросил на мой стол подшивку техзадания, — какая-то мелкашка. Дырчик! «Мал клоп, да вонюч». Это, скорей всего, для бота спасательного движок. Их только у военных искать... да кто ж там мне чего даст?

— Сама-сама-сама, Верунчик, лапушка! Самообслуживание.

— Сам ты... Верунчик.

— Лови!

Я, не заглядывая внутрь, метнул Вовке на доску его толстенный фолиант, где пошагово был расписан весь алгоритм рождения железного монстра — пытка на внимательность. И усидчивость. Попробуй профукать хоть один расчетный коэффициент, коим имя легион, и все труды прахом! Куда проще содрать, если чудом найден готовый прототип. Останется только отдельные параметры в пояснительной записке просчитать в обратную сторону — от результата к вилкам погрешности, где ты, якобы совершенно непреднамеренно, и выбрал нужную цифру. Короче... тоже геморрой, но не наружу, а вовнутрь, что на порядок безболезненней. Кто-то, наверное, содрогнулся...

Ну а Вовка — человечисше!

— Я тебе помогу с цифрами, — заявил я великодушно. — У меня сейчас голова — что компьютер!.. В смысле... ЭВМ.

— Скажешь тоже. Нет... покажешь лучше.

— Чего покажу?

— Куда перфокарты засовываешь! Гы-гы-гы!

— Оборжаться.

— Ой, не могу! Повернись, ширинки сзади нет?

Очень смешно.

Хотя... прав Вовчик, подловил хвастуна. А так ему и надо! Голова у него как ЭВМ... это ведь все моя молодая половина отжигает! Пока старикан ворочает в голове свои мудрѳты, юность как ляпнет, так ляпнет чего-нибудь отпадное. Глаз да глаз нужен за этим отморозком. Как же все-таки тяжело уживаться двоим в одном сознании!

И тут же:

— А хочешь, песню новую покажу? — Это вырвалось у меня практически неконтролируемо. — Обалдеешь от темы!

Ну что ты с этим молодняком делать будешь? Неадекват.

— Какую песню? — Вовка явно заинтересовался.

По крайней мере, ржать перестал. Музыка — наше все!

— Группы «Воскресенье». Неизданную!

— Как так?

— Вот так. «Не торопясь упасть» называется. Реально офигеешь!

Не только неизданную, но даже и не написанную... пока. Ох уж эта хвастливая и болтливая молодость! Спать нас хочешь?

— Мы ж до каникул не играем, — хмуро напомнил мне Вовка, — договорились же.

— Да-да, точно. Это я на радостях. Тогда после сессии покажу. И с аккордами, и с готовым рисунком на базе.

Вовка — басист в нашей группе. Должен заинтересоваться. Что касается меня, то в зоне моей ответственности — соло-гитара. Барабанит и поет в нашей «банде» — Андрюха Лысенко с параллельного курса. Человек-оркестр. Уникум. «Ритмует» Ромик Некрасов. Вон он — сидит за нашими спинами и с тоской рассматривает ноябрьское небо за окном. Прямо как я только что. Ромка — известный «лажомет» и мальчик для битья в музыкальном плане. Зато девочкам нравится. Им вообще без разницы — кто и как играет. «Главное, чтобы костюмчик сидел». На Ромке все сидит как на топ-модели. А с гитарой в руках он вообще — бог эллинский. Лицо фирмы!

— Кто ж тебе рисунок-то на базе показал? — ревниво бурчит Вовка, царапая что-то шариковой ручкой на отполированной древесине чертежной доски. — Леша Романов? Или Маргулис? Лично.

— Тебя чертилка убьет, — не стал я вдаваться в полемику. — Чего ты там пачкаешь?

— Макаревича рисую. Похож?

Теперь я тяну шею в сторону Вовкиного стола.

Вовкин «Макаревич» вызывающе похож... на Вовку. Ну и чуть-чуть на Кутикова.

Легкая путаница происходит из-за того, что отечественная пресса в этом времени нас трагически мало балует публикациями о кумирах андеграунда. А на вырезке из какого-то журнала, что Вовка преданно таскает в кармане у сердца, состав группы «Машина времени» не сфотографирован, а... нарисован. Причем очень вольно и приблизительно. У нас чуть до драки не дошло — кто тут Макаревич. Известно кто — тот, кто больше похож на Вовку. Чувак с волосами до плеч и роскошными усами.

Вот сейчас Вовка и рисует Кутикова где ни попадя, искренне считая его Макаревичем. Кстати, сей «портрет» очень легко воспроизводится — очки-капельки, усы и битловская прическа с прямым пробором. Как у Вовки.

Ох, грядут еще разочарования у моего друга!

— Прикрой мазню свою, — прошипел я сквозь зубы. — Чертилка идет.

На пол с грохотом полетело Вовкино техзадание. Басист-истеричка!

— У тебя все в порядке, Микоян?

— Э-э... что вы говорите, Рит-Санна?

Вовка лихорадочно пытается ногой нащупать подшивку на полу, не отрывая локтя от своего «произведения» во славу любимого музыканта.

Нет. Не дотянется. Растяжки не хватит.

Я вздохнул, спрыгнул с табурета-вертушки и поднял папку.

— Держи! — хлопнул техзаданием по столешнице. — У него шок, Маргарита Александровна. Трудное сочетание исходных данных. Видите? Лихорадит человека.

— А у тебя, Караваев, ничего не лихорадит?

— У меня — ничего. Я старше... на полгода. И выдержаннее.

«На полгода». Смешно. Вообще-то на полвека. Без малого...

— Понятно. Это хорошо, что выдержаннее. Значит, спокойно отнесешься к тому, что нужно помочь Егорочкину.

— Чем это?

— У вас одно задание на двоих.

— А... почему?

— Потому что Саша болел и кое-что пропустил. А ты ему можешь разобраться.

Невиданно! Нашего брата-студента жалеют?..

— Ну-у... В принципе я не против.

— Я знала, что не откажешь.

Ага, попробовал бы только.

Чертилка величаво вернулась на свою кафедру, около которой шумно колготилась стайка под названием «а мне вот тут непонятно». А ко мне, улыбаясь и вихлясто пританцовывая, направился мой нечаянный напарник.

Егорочкин. Саня. Кличка — План.

«План» — потому что чувак рьяно косит под матерого наркомана. До смешного. Думаю, травку он действительно когда-то пробовал, вот и возомнил о себе невесть что. Вообще, в нашей среде всех наркоманов считают... дебилами. Только конченный идиот станет гробить свое молодое здоровье в перспективе непонятного и не совсем оправданного кайфа. Вот бухнуть — это круто. О! Пардон, не «круто» — «ништяк!» «Круто» в этом времени не говорят, разве что... да никто пока не говорит! Я вот только иногда, ловя при этом на себе недоуменные взгляды.

Так вот, «травка» — это не «ништяк». Не говоря уже о «гёрыче». Это тупо и по-крестьянски. Это... голимо. Лажово, бермудно. Или... что прокатывает во все времена — фигово.

Разумеется, все мы о наркоте чего-то там знаем. «Чего-нибудь и как-нибудь». В частности, благодаря таким вот экземп-

лярам, как Саня План. Они, можно сказать, этикие «популяризаторы зла». Но их беда в том, что серьезно это популяризаторство никто не воспринимает. Так... считают за пустой треп городских сумасшедших. Точнее... деревенских. Психов.

— Ну че, малыши? Мазнем ганджой по бумаге?

Санька чуть выше меня, худощав и белобрыс. Осанку держит по-взрослому, чуть иногда содрогаясь при артикуляции особо выразительных, по его мнению, словечек. Вот так: «Риса-а-а-нЁМ!» и... короткая судорога по позвоночнику на последнем слоге. Ему кажется, что так он выглядит «блатняком». А вообще он веселый и смешной. И часто забывает, что нужно быть «наркошей» и «зэчарой». Тогда он выглядит обыкновенным парнем из южного приморского городка.

— Саш, а что такое «ганджа»?

Я — сама заинтересованность.

К тому, что после двадцати лет службы в стройбате могу лекции читать о наркосодержащих веществах и особенностях околонуаркотического сленга.

— Мальки-и! — План снисходительно хлопает меня по плечу. — Лучше вам этого не знать.

— Ну, пожа-а-алстя, — не удержался я от вызывающего кривляния. — Ну, дя-а-аденька. Ну, расскажи!

Опять молодой в голове беспредельничает.

— Перебьешься, — нахмурился Сашка, смутно ощущая мою неискренность. — Хватит тебе и... одеколону.

— Ну и ладно, — быстро согласился я, перестав кривляться. — Тут тебе передать просили.

Двинул ему по столу техзадание.

Справа через проход многозначительно хохотнул Вовчик, продолжая разрисовывать усы своему кумиру. План чуть заметно поежился. Ковырнул обложку указательным пальцем.

— Тут это... болел я. Типа... ломка у меня была.

Ага. Надо думать — целый месяц его ломало. От «травы», скорей всего. Причем в пульмонологическом отделении горбольницы, где лечат воспаление легких. Я вообще-то — староста группы, на секундочку. Чувак информированный.

— Да-да. Понимаю. Ремиссия?

— Чего?

— Говорю, завязал дозняк в каличной? Или вообще соскочил?

— Ага, сейчас! Обломаются.

Я вздохнул.

— Саш, ты бы поберег себя. Побухай, что ли, для разнообразия.

Опять Вовкино хмыканье.

— Дети пусть бухают! Печень сажать...

Эпичненко прозвучало. Хоть в «статус» ставь!

— Ладно. Я понял.

Вновь придвинул к себе чертежный фолиант. Открыл и кулаком от души затер загиб обложки.

— Значится, делаем так, Саша. Я работаю цифровую часть. Верх погрешностей — себе, низ — тебе...

— Почему это тебе верх?

Ожидаемо.

— Ладно. Тебе верх.

«Верх погрешностей» — значит, чертеж по размерам будет чуть крупнее. Чистая арифметика с геометрией. План сам выбрал свою судьбу, я лишь коварно расставил капканы.

— То-то же.

— То есть числа значений гоню в два столбика, тебе и мне. Ты только в свою пояснюшку тупо вставляешь циферки.

— А объяснить?

— Бог подаст.

— Ладно.

Можно подумать, нужны ему мои объяснения.

— А чертеж?

Я расплылся в улыбке.

— Правильный вопрос, Саша. А по поводу чертежа у меня есть... план!

— Ха! План для Плана.

— Ага. Каламбурчик. Тоже обратил внимание? Миру — мир, войне — война!

— Что за план? — нахмурился Сашка, кожей чувствуя, что его снова троллят.

— Обсудим после. Сейчас берешь эту книжицу, под шумок линияешь из аудитории и дуешь в библиотеку. Выгребай все, что найдешь по перечню. Пока толпа здесь дурные вопросы задает — затариваешься технической макулатурой по полной. Понял?

Просто помню по прежней жизни, какая битва сейчас начнется под стеллажами в библиотеке.

— Ага!

— Стой! С особой страстью и фанатизмом выгребай «самиздат» — брошюрки, подшивки, старые курсовые. Там самая соль. «Соль земли»!

— Откуда ты все это знаешь?
— От... нарковерблюда. Двигай давай. Чертилка, гляди — в подсобку зашла. Пошел!

Саньку сдуло.

И от него, значит, польза будет. Шерсти клок. Правильное применение можно найти к любому, пусть даже и к такому сильно никчемному организму, как Саша План.

А мы пока поразмыслим, как диверсионной группе проникнуть на «Югрыбу».

Задача!

Глава 2 МИНИ-КАРЕЛИЯ

- Ну познакомь, Караваев! Чего тебе стоит?
- Ничего мне не стоит. Из вредности не буду знакомить.
- Ну почему?
- По кочану!

Две грудастые долговязые «корпусницы» зажали меня у колонны на парадной лестнице и требовали протекций в знакомстве с нашим Ромиком. Одна, кстати, ничего себе такая...

— Ну Карава-а-аев!

— Вы вообще обалдели? А со мной для начала не хотите познакомиться? Хватание за локоть с воплями «эй, стой» и «ты, что ли, Караваев?» не считается. Как-то не прочувствовал я глубин куртуазности вашего этикету. Не проканал, знаете ли.

— А че с тобой знакомиться? Тебя и так все знают.

— Охренеть как я польщен! И где это я, интересно, так прославился? На сцене?

— Ну... и там тоже, — та, которая покрасивее, отвела глаза. — Ты ведь с Ромкой вместе играешь. Так же?

— Старост все знают, — прямо заявила та, что пострашнее. — Особенно тех, кто за четыре года не меняется.

Не только пострашнее, но и потупее — сдала интригу как стеклотару. Ну ни на каплю она сейчас не помогла своей красивой подружке!

— Деликатность ваша, девочки, просто границ не знает!

— Да ладно, че ты. Чай, не बारे. Ну так познакомишь или нет?

— Не-а. Могу методу подсказать, как самим познакомиться. Обкатанную! Хотите?

— Как?

— Да очень просто. Сейчас Ромик с третьего этажа спустится сюда, к актовому залу. Вы прячьтесь тут за колонной и ждите. Как подойдет — высккивайте с двух сторон и хватайте его за локти. И в лоб ему свою волшебную фразу: «Эй, стой! Ты, что ли, Ромик Некрасов?» По себе знаю, прокатывается!

— Дурак.

— Мое дело — предложить. Вон он, кстати, спускается...

Фанатки всполошились, забавно по-птичьи засуетились, а потом дружно и не сговариваясь, вцепились... почему-то в мои локти. Вопреки ранее данным рекомендациям.

— Эй-эй! Полегче!

— Знакомь давай, — прошипела мне страшилка, выкатив и без того излишне выпуклый глаз. — Настя и Света.

— О боже. За что? Ромка! Роман!! — обреченно позвал я. — Иди уже сюда, родной. В кого же ты такой у нас красивый уродился?

Заметив нашу компанию, Ромка широко улыбнулся и жизнерадостно махнул рукой. Он вообще очень жизнерадостный парень. С голливудской улыбкой. Я локтями почувствовал, как синхронно вздрогнули молочные железы по бокам. Справа — чуть крупнее, слева — с кулачок. Обе, надо думать — под жарким блеском лучей белозубого солнышка.

— Ого, Витек! Тебе двух не многовато будет?

У Ромки что на уме, то, как правило, и на языке. Даже в трезвом состоянии. Очень удобно, кстати.

— В самый раз. Знакомьтесь, девочки. Это Рома. Наш гитарист. Ритм-секция. Лицо и душа музыкального коллектива судостроительного техникума.

— Ой, как нам приятно!

— Знакомься, Рома. Это Настя, Это Света. Коллеги наши по технарю, с потока «корпусников».

— Нет-нет. Это я Света.

— А я Настя. Витя все перепутал.

— Ну да, — заскучал я. — Перепутал. Вы же так похожи! Сколько себя помню — вечно вас все путают.

— Я бы не сказал, что похожи. — Ромка, продолжая рубить правду-матку, с интересом разглядывал более симпатичную Свету. — А ты не на Северной живешь, случайно?

— Случайно нет. На Остряках.

— Жаль.

— Мне переехать?

А красотка-то с язычком!

— Все, мальчики и девочки! Мне пора, — поспешил я дистанцироваться от молочных желез, заметив, как начинает ревниво поджимать губы некрасивая девочка Настя. — Рома! Правила помнишь?

— Какие... А! Помню. Нельзя...

— Не надо. Вслух не надо. И так верю. Я в зале.

И шмыгнул за дверь.

Наше главное «музыкальное правило» — не водить на репетиции своих баб. Соблюдение императива тяжелее всего дается Ромику, у которого к тому же и память коротковата. Постоянно приходится напоминать. Хотя... как ее... Света — ничего себе такая. Эффектная. Даже в толстом свитере... Так, стоп! Правила — для всех.

Я поднялся на сиротливо пустующую в полумраке сцену и стал ковырять ключом дверь в каморку слева. Справа в углу тоже есть комната, но она меньше, без окон, и там склад убитой аппаратуры. Тусуемся мы в более уютных апартаментах. С видом на Южную бухту. Которой из-за толстенных платанов и решетки на балконе почти не видно. Да мы и не против, если честно. Тут музыку творят, а не ворон за окном считают.

До сессии мы договорились заморозить наше творчество. Не успеваем, знаете ли, совмещать приятное с полезным. Но после занятий по привычке все равно собираемся за сценой — гоняем чай и точим лясы. Когда некогда — просто надеваем свою верхнюю одежду, которую в гардероб сдают только «поцы», и оставляем тут свои засаленные конспекты с книгами, которые не понадобятся дома.

Впрочем, конспекты — не мой случай. Не напрягают объемом. У меня для них отведено всего лишь две общих тетради, в каждой из которых — до шести дисциплин! Просто я пишу агрессивно мелким почерком и в два столбца на странице. С таким расчетом, чтобы материал, изложенный «бисером на бумаге», сразу можно было бы рвать на шпаргалки. Такое вот личное ноу-хау с перспективой на близорукость. А зачем делать лишние движения? Лень, как известно, двигатель прогресса. И я скажу — на экзаменах срабатывает! В большинстве случаев.

Черт! Что с замком-то?

Сегодня я прибыл в каморку первым: Ромка завис на входе с подругами, Вовчик оттирает от кульмана свою мазню, так как был-таки пойман чертилкой с поличным, а Андрюха-барaban-

щик встрял на комсомольский актив. Это часа на полтора. Вот, собственно, и вся наша «рок-группа».

Ну и клавишница еще.

Так сказать, «приходящая» коллега. Это потому, что каждый месяц она у нас новая.

«А у нас текучка, така страшная у нас текучка!»

Не знаю, почему так получается. Мальчишки с фоно не дружат, а девчонки с музыкальным образованием, специализирующиеся на фортепиано, тяжело реагируют на наш образ жизни — подработки в ресторанах, халтура на свадьбах и экстрим на всякого рода буйных танцульках. Сейчас у нас, к примеру, играет некто Сонечка — витающая в облаках неземная фея из Зазеркалья. Чтобы не сказать «обморок на ножках». В том смысле, что... неординарная она. Странная. Эдакий тургеневский вариант девицы на выданье, отягощенный суровыми реалиями социалистического менталитета.

За Сонечкой гарцует Вова Микоян.

Ухаживает тонко и по-джентльменски. Я бы сказал даже — платонически. Вообще-то, Вова по традиции гарцует за всеми нашими многочисленными клавишницами. Это его поляна. В условиях бескорыстия его ухаживаний все наши, не побоюсь этого слова, проходные девчонки чувствуют себя абсолютно комфортно. Как за каменной стеной! Одновременно — и в зоне мужеского внимания, и без отягощений излишними обязательствами. Ведь Вова нужна только музыка. Ну и... неразделенная любовь, мотивирующая его на глубокое творчество.

К слову, Сонечка держится у нас уже третий месяц, вопреки предшественницам. Возможно, как раз в силу своей неординарности. И Вова благодаря ей с каждым днем становится более стабильным в своих матримониальных предпочтениях.

Оно и к лучшему.

Замок наконец сдался, и я распахнул дверь, заранее предусмотрительно зажмурившись: на сцене темень, а в каморке — свет из окна. Обжигался уже.

Шагнул вперед и... тут же едва не грохнулся, споткнувшись о валяющийся на входе барабан. Что за ерунда?

Я в изумлении вытаращился на царящий в нашей родной каморке мамаев погром. Колонки с усилителями валялись на полу между барабанами ударной установки, немногочисленная мебель — платяной шкаф, тумбочки, столы, стулья — перевернуты, наша верхняя одежда с вывернутыми карманами разбросана по всему помещению. Особо обидным показалось нали-

чие многочисленных луж и мокрых пятен на линолеуме, надо думать — из сброшенного на пол чайника, и стихийное местонахождение моей любимой вельветовой курточки — как раз между этих сырых аномалий. Да чего там «между», кого я обманываю? В луже! В самом центре сырого бедлама! Там же я обнаружил и один из своих суперконспектов. Другой, на мое счастье, был у меня засунут под ремень — принципиально не ношу в техникум ни портфелей, ни новомодных «дипломатов». Такой вот юношеский бздык...

Да о чем это я? При чем тут бздык?

Что за хрень тут вообще происходит?

Я осторожно перешагнул через поверженный «там-там» и скрепя сердце вытащил из лужи свою курточку. С нее капало. Проверил карманы — ключи от дома, хвала всевышнему, оказались на месте. Мелочи, что-то около двух рублей никелем, не было. Да как-то плевать на мелочь! Содрогаясь от дурных предчувствий, потянулся к своему изувеченному конспекту. Конечно! Мокрый. А какой он еще должен быть в луже холодного чая? Гады!

— Ромика можно не ждать! — послышалось за дверью со стороны сцены. — Там его отделявают сейчас, как бог черепа... Ого!

Вовка в изумлении замер на пороге.

Боже, мой конспект!

В принципе, если листы просушить, вполне будет разборчиво. А вот там, где я использовал карандаш — схемки разные вырисовывал, эскизы узлов — вот это дело пропало безвозвратно!

— Красиво!

— Узнаю, чья работа — уничтожу!.. — поклялся я сквозь зубы.

— Окно проверь, — деловито подсказал Вовка, не заходя вовнутрь. — Мы его вообще закрывали?

— Закрывали. Я закрывал. И снизу на шпингалет, и сверху. Ты еще орал, что я «с ногами на подоконник», помнишь? Чистоплюй.

— Ну да. Закрыто вроде. И след только один — от твоего башмака.

— Ой, Вова! Не делай мне нервы!

— Там решетка еще. И замок на двери цел. Он нормально открывался?

— Ненормально! — вспылил я. — Не-нор-маль-но! Он никогда нормально не открывается. Забыл, что ли? Мы каждый

раз эту дверь насилуем тут в потемках, чтобы открыть. И сегодня так же было! Даже легче обычного.

Вовка аккуратно поставил барабан на ножки, брезгливо поглядывая на капающую с него жидкость, и осторожно прошел вовнутрь.

— Значит, открывали ключом.

Я глубоко вздохнул, стараясь сильно не нервничать.

— Да, Вова. Гаечным!

— Денег нет, — задумчиво произнес он, шаря по карманам своей куртки, которая, в отличие от моей, оказалась на сухом пятачке. — А как же я теперь на катер?

— В ящике с хламом была мелочь, — рассеянно вспомнил я. — Только его тоже перевернули. В лужу!

Вовка присел перед кучей барахла, живописно раскинувшейся среди блестящей на полу мини-Карелией с заваркой. Стал барабанной палочкой ковыряться в ее недрах.

— Ага, нашел. Есть пять копеек. Ромке тоже надо...

— Трындец аппаратуре!

— Да, усилки вроде все целы. Колонки тоже. Мало они у нас падали?

Завидую Вовкиному спокойствию.

— На басу струну порвали, — сказал я. — Видел?

А, нет. Не завидую уже.

Судя по экспрессивному монологу, абсолютно несвойственному интеллигентному мальчику Вове, — порванной струны он до последней секунды не видел. Другие гитары, на первый взгляд, не пострадали, хоть и валялись, как и остальная аппаратура, среди чайных озер. Да что им будет? «Джипсонов» и «Фендеров» у нас тут не водится, а родные отечественные «дрова» и не такое видывали. Напомню — мы на свадьбах играем. И не всегда в приличных ресторациях. Случалось, что этими самими «досками» приходилось вручную отбиваться от чрезмерно назойливых поклонников. А то и... совсем не поклонников. Не всем, к сожалению, нравятся наши музыкальные предпочтения. А также слегка нетрезвые и время от времени лажающие самодеятельные музыканты.

— А где твоя примочка? — мстительно огорошил меня Вовка, закончив матюкаться по поводу порванной струны. — Ты не забирал ее отсюда?

— С чего бы это я стал ее забирать? На лекции? — медленно произнес я, холодея сердцем. — И... гитара же здесь. На кой

хрен мне приставка без... Все. Пипец. Нет педали. Вот шнуры, вот блок питания. А педали... нет.

Это — конец.

Тут надо пояснить, в чем трагизм ситуации.

По нынешним временам музыкальной реальности иная приставка для гитары зачастую бывает дороже самого инструмента. Новомодные «фузы-фазы», «компрессоры» и всякие прочие «фленжеры-файзеры» делают звук струны неповторимо сказочным для музыкально-самодеятельного уха — какую бы гитару ты в эту примочку ни воткнул. Хоть акустическую! С самодельным звукоснимателем, посаженным под струны на эпоксидку. В моем случае так и было. Не в смысле эпоксидки, а в смысле ценности устройства. Пропала дорожная по нынешним меркам педаль-приставка, в которой «комбайном» было и «вау-вау», и «тремоло», и «фузз» с компрессией звука.

И педаль была... не моя!

Та-да!

Я взял ее напрокат на хлебокомбинате, как это ни странно звучит. Просто мы там подшабашивали в музыкальном плане — «разбавляли» на мероприятиях народный хор. Ну и дискотеки там с танцуйками разными гоняли в... женской общаге. Молчать, поручики! Всяко бывало. И хорошо тоже...

А вот с педалькой получается сильно нехорошо.

Люди мне доверились, разрешили брать ее когда вздумается. А я вот... не оправдал, что называется, высокого доверия. Я вообще не удивлюсь, если целью всего этого погрома и была та самая волшебная приставка. Гордость моя и... боль. Если ее толкнуть среди лабухов — думаю, сотни на две потянет. А то и на три. Точно, на нее охотились! Хотя бы... судя по факту ее отсутствия в чайных лужах.

Да ты, брат, Мегрэ!

— Тебя Бушнев сожрет, — проинформировал меня лучший друг. — С потрохами. А потом еще полгода доедать будет. Останки. Твои грустные, дурно пахнущие останки.

Как будто я этого не понимаю!

Бушнев — это руководитель хора певичек-народниц на хлебокомбинате. Он года три назад вытащил нас из «каморки актового зала» и превратил нашу самодеятельную шайку в увесистый ансамбль, способный профессионально зарабатывать денежку. Музыкай, кто не понял. Без отрыва от учебы в технаре.

То бишь в музыке — он наш крестный папа. Сейчас, конечно, мы уже из «бушневского гнезда» упорхнули на вольные хлеба. Но по старой доброй памяти коннект поддерживаем — бренькаем иногда «на разогреве» хора и пару раз за сезон радуем «живой музыкой» великовозрастных невест хлебобулочного синдиката на безумных ночных дискотеках в общаге. Как вспомнишь, так вздрогнешь!

Аппаратурой их пользуемся опять же. Время от времени...

Ох, не напоминай!

— Ключи только у тебя и у завхоза, — заявил будто бы между прочим Вовчик, вновь демонстрируя недюжинное хладнокровие. — Тебе почему-то я доверяю. Значит, спрашивать нужно у Адамыча.

— У Сонечки домашний ключ к нашему замку подходит, — сообразил я рассеянно. — Помнишь, когда я связку потерял, мы у всех ключи стреляли? Ее, кажется, и подошел!

— Угу. Через полчаса совместного надругательства над замком.

— Больше даже.

— Можно подумать, что ты серьезно подозреваешь Сонечку. Ну да, как раз она здесь весь этот бардак и устроила!

— Не вариант. Разве что умом тронулась от твоих ухаживаний. Я просто просчитываю все версии, даже маловероятные.

— Не до такой же степени! — Вовку явно зацепили мои бесхитростные намеки и возмутительная шуточка в отношении его любимой женщины. — Сонечка уже с неделю сюда носа не кажет. Как решили, что до сессии не лабаем больше, ее и след простыл! Чего ей тут делать? Ты что, видел ее в технаре?

— Все-все, успокойся, Ромео. Не видел. И никто ее не подозревает. Это было бы очень странно. Даже для твоей странной подружки!

Надо сказать, что Вовкина полуобморочная пассия вообще не из нашего техникума. Сонечка — молодой технолог на городском хлебокомбинате, где мы ее и завербовали в наш ансамбль. Точнее, она — подгон нашего крестного отца, Бушнева. Это он мастер в поиске молодых дарований. По себе знаем.

«Алло, мы ищем таланты».

— Ты еще Адамыча заподозри! — не унимался Вовчик. — Он же ненавидит нашего брата-музыканта.

— «Стиляги американские, — вспомнил я деда-завхоза. — Шляетесь тут с балалайками своими. Сталина на вас нету». Адамыч неповторим.

— Ну!

— Несерьезно.

— Сам знаю. — Вовка поднял с пола электрочайник и подозрительно заглянул под крышку. — Накипи здесь! Чешуей отваливается. Я и не видел раньше...

— Сообщать будем? — поинтересовался я. — Директору.

— Дурак, что ли? О чем сообщать? О погроме? Или о том, что у тебя левая примочка из-под замка пропала? Чужая примочка — из-под технарского замка! Сам подумай, что Кефир тебе на это ответит.

— Ну да. Много чего ответит. И ключи отберет. Кто же это накрысятничал?

— Да кто угодно! — заявил Вовка. — Все знают, что в актовом зале вторая дверь не запирается. Там и сейчас на подоконниках зубрили маньячные сидят, от людей прячутся. А на большом перерыве и жрут здесь, и спят на задних рядах, и в карты режутся. Проходной двор!

— Знаю.

— А фигню эту открыть и гвоздем можно.

— А чего ж мы тогда с родными ключами тут возимся? По полчаса!

— Потому что родные — это наш крест! — по-армянски рассудительно заявил Микоян. — Они уважения требуют!

— Вот сейчас вообще не смешно было!

— Понимаю.

Я сокрушенно вздохнул. Безнадега.

Наше стихийно проведенное предварительное дознание ожидаемо уперлось в тупик. И чего теперь делать? Кроме того, что неплохо бы навести порядок в каморке и убрать уже наконец эти долбанные чайные озера на полу? С педалью до сессии можно потянуть — Бушнев знает про наше вето на концерты, спрашивать не будет.

А потом?

И пусть я внутри... ну, очень взрослый человек, тем не менее выхода пока не вижу. И даже не представляю, за что ухватиться в первую очередь в предстоящих поисках.

Еще, блин, курсовая, будь она неладна!

Беда не приходит одна. Все в кучу.

Ноябрь!

Глава 3

ДЕМПИНГ ПО-РУССКИ

К воровству у меня особое отношение — исключительно болезненное.

Как учил нас Фрейд, великий и ужасный, — ищите аномалию психики взрослого человека в детстве. Так оно и есть. В первый раз именно в детстве меня и обокрали. В третьем классе. Мощно так обнесли. Капитально.

Я тогда, на свою беду, притащил в школу коллекцию бумажных денег царских времен. Дореволюционные купюры! Выменял их на каникулах в бабушкиной деревне на глянцевые открытки советской хоккейной сборной у одного «глубинного патриота» преклонных лет. Слов нет, открытки были хороши — с цветными портретами хоккеистов и фрагментами матчей «Красной машины», большей частью — с канадцами. Но и то, что я получил взамен, было уникально! «Государственные кредитные билеты» с пугающе непривычными двуглавыми орлами номиналом от пятидесяти копеек до десяти рублей. Да-да, полтинник тоже был бумажным, хоть и не таким цветастым, как другие деньги, — жизнь оказалась полна сюрпризов. И счастья. Обмен показался мне настолько успешным, что захотелось поделиться радостью с одноклассниками.

Поделился.

Вместе со всей коллекцией и поделился. Просто пришел с перемены, а в портфеле заветной коробки из-под конфет, где я держал свое сокровище, просто не оказалось.

Знаете, что я испытал в первую же секунду? Не поверите.

Стыд!

Острый нестерпимый стыд. И не за свою вопиющую легкомысленность, хотя стоило бы, а стыд за того человека, кто эту гадость совершил. За так и не ставшего для меня известным злодея-одноклассника. Ведь что вышло? Только что этот «нонейм», этот хренов «анонимус» вместе со всем классом ахал и охал, восхищенно рассматривая загадочные бумажки, ходящие по рукам без каких-либо ограничений с моей стороны, а потом бах! — и тупо все это своровал. У меня до этого даже мысли не было как-то прятать от друзей свое богатство, сторожить, охранять, подозревать кого-то в грядущем непотребстве. Показал всем коллекцию, похвастался, а потом просто сунул ее в ранец, стоящий сбоку под партой, и умчался вместе с братанами-одноклассниками безобразия творить по школьным коридорам.

По девять лет всем! Визуально даже помню, как торчала иско-
мая коробка среди учебников на всеобщее обозрение. Сам, по-
лучается, спровоцировал... одного из «братанов».

Вернулся с перемены — нет коробки. И меня как пришибло!

Ступор нахлынул... «стремительным домкратом». Формаль-
но вроде и знал, что такое бывает, но чтоб со мной!.. Я даже
скандалить не стал. Не смог, так сказать, возопить к власти иму-
щим от школьной администрации о попранной справедливо-
сти. Стыдно было до колик. Так и просидел оцепеневшим исту-
каном до конца уроков. Молча. Тупо перебирая в памяти поте-
рянные реликвии. Прощался, стало быть.

Шок! На всю оставшуюся жизнь.

Ведь для меня тогда произошло падение прежнего мира. Ре-
волюция в системе ценностных категорий. А также — суровая
потеря розовых очков с наивно вздернутого от переизбытка
детской самоуверенности носа, как первый безвозвратный шаг
в реалии взрослой жизни. Очень похоже на лишение девствен-
ности — один раз и... навсегда.

Во всяком случае, то, что случилось, — запомнилось. На-
долго.

Обида и боль тоже запомнились. И безысходность.

И... стыд, говорю же.

Понятное дело — сам дурак. Понятно, что и «бог шельму ме-
тит», и «глупость не порок», и... все такое прочее про «загублен-
ного фраера». Только вот как-то от афоризмов и умных слов
(про глупость...) легче не становится.

До сих пор.

И потом, в более поздние времена, меня тоже обворовыва-
ли — не без того. Что я, лучше других, что ли? Даже квартиру
один раз обнесли с банальным взломом. Только вот остроту
первых ощущений уже было ничем не перебить.

И на этот раз — подумаешь! Всего-навсего какая-то педаль-
ка.

Тьфу! Плюнуть и растереть...

Гады. Все равно обидно. Почти так же, как и в третьем классе.
Говорю же — болезненное отношение.

Я шел домой из техникума, а из головы все не выходили дет-
ские переживания о потерянных по собственной дури царских
червонцах. Нет чтобы поразмыслить, как, к примеру, отыскать
более актуальную потерю — музыкальную приставку для гита-
ры. Чужую, между прочим. Как же! Не до того нам...

Мазохистам нет покоя!

Я миновал городскую танцплощадку и нырнул в скверик перед Центральным рынком. Там традиционно кучковались... коллекционеры. Значки, марки, спичечные этикетки. И старинные деньги...

Они что, блин, специально издеваются?

— Интересуетесь, молодой человек?

Дедушка, вызывающе похожий на всесоюзного старосту товарища Калинина, прицелился мне в грудь козлиной бородкой.

— Да-а... вот, гляжу, «пятерка» знакомая. До боли...

— Вот эта? Ну что ж, очень распространенный экземпляр, молодой человек. Образец 1909 года, личная подпись управляющего Госбанка царской России Шипова Ивана Павловича. Видите, какая серия? «УБ». Это, батенька мой, означает, что сия купюра выпуска периода Временного правительства. Того самого, дореволюционного. М-да. Семнадцатый год. Печатный станок работает на полную мощность. Эмиссия, знаете ли. Посему и денежки эти... гм... вельми редундантны.

— Что-что?

— Не понимаете-с? Ну да, ну да. Жаль.

Типа, куда тебе... в калашный ряд.

— Да понял я. «Распространенные», вы хотели сказать. Ходовой товар.

— Можно и так, — грустно кивнул интеллигент и поправил на носу старинные очки-колеса. — Отдам за десять рублей.

А ведь может и так статья, что именно эта синяя бумажка, похожая на маленькую почетную грамоту, как раз и есть из моей детской похищенной коллекции? Да запросто! Ходят сейчас где-то по рукам эти горькие осколки наивных заблуждений ребенка, разочарованного в самых своих лучших иллюзиях. Как кусочки разбитого ледяного зеркала из сказки Андерсена. Летают по миру и ранят сердца...

Во торкнуло-то!

— А какие у вас еще есть деньги? Полтинники царские есть? В смысле — пятьдесят копеек, не рублей. Тусклые такие бумажки...

— Вы мне будете рассказывать, молодой человек? Впрочем... есть и по пятьдесят копеек. Да вы сами гляньте — в альбоме. Полистайте.

— Можно?

— Можно-можно. Чай, не Музей Флота...

Остроумно.

Я взял в руки толстенный фотоальбом с жесткими картонными страницами. На каждом развороте — кармашки из полупрозрачной бумаги, в них купюры — парами: лицевая и оборотная стороны. Аверс-реверс. Про бумажки так можно говорить?

Вот такая денежка у меня точно была, и такая. А вот такой не было! Четвертной. Ух ты, с царем! Кто там? Александр Третий. Миротворец. Тот, который при крушении поезда на плечах держал крышу вагона, дабы спасти от травм свою семью. Царскую. И всего лишь — двадцать пять рублей. Дешево его подвиг оценили. Современнички. Обидно должно быть... ему. Было. А на пятидесяти рубликах — Николай Первый: Коля Палкин, царь шпицрутенов и шомполов. Позатягивал правитель в стране гаечки в свое время. От души. Забрэнчала тогда Россия-матушка каторжными кандалами, завывла этапами, настрадался народ. Зато порядок был! Поэтому и полтинник, а не четвертной.

Так, а где сотка?

Ага, вот она. Кто там? Дамочка без подписи. Чего гадать — Екатерина, разумеется. Великая! Сотки ведь и назывались тогда... «катеньками».

Так-так-так.

Я даже почувствовал легкий азарт — а бóльший номинал тогда существовал? Ну да, на следующей странице — пятьсот рублей. Ого, какая огромная бумаженция! И... Петр Первый. Мог бы и сам догадаться: «катеньки», «петеньки» — помню еще по русской классической литературе. А вот эта сидящая слева полная дамочка в лаврушках на голове и со щитом в пухлой ручке — аллегорическое олицетворение самой России.

Как интересно!

Теперь тысячу хочу. Есть?

А-а, досада. Есть-то есть, но уже не совсем царская. Семнадцатый год. Видимо, тоже дело рук Временного правительства, посему — без портретов. Ну да, местный лектор, стоящий рядом, ведь что-то и говорил про эмиссию в те времена...

— Хочешь, дешевле подгоню? — просипело над ухом.

Я оглянулся неприязненно — мешают, понимаешь, наслаждаться прекрасным. За спиной у меня оказался высокий сутулый парень с неприятным лицом и нездоровым цветом кожи. В мои времена, имеется в виду второе десятилетие двадцать первого века, любые старушки у любого подъезда вмиг бы компетентно поставили диагноз — «наркоман проклятый»!

А по этому времени... даже не знаю. В СССР ведь «наркомании нет». Это любому комсомольцу известно. Значит, если не наркоман, то... синяк. Алконавт. Только уж какой-то больно ушатанный алконавт. Не по возрасту. На глаз — лет двадцать, не больше.

Рановато стартанул парень!

— Не хочу! — огрызнулся я тоже шепотом. В «музее» же. — Шагай себе дальше.

— В четверть цены, — не унимался демпинговать чахлик. — Мне эти бумажки по случаю достались. В наследство. А теперь деньги срочно нужны.

— Всем нужны, — продолжал я шипеть. — Иди-иди. Бог подаст.

— Ты что, не веришь?

— Представь себе, не верю. И что?

— Друг! Да у меня этих бумажек целая коробка!

Я насторожился.

— К-какая коробка?

— Такая. Из-под конфет.

Из-под конфет? Да ладно... Не бывает таких совпадений.

И, кстати, почему дед-коллекционер не вмешивается в наш диалог? Почему не гонит конкурента со своей поляны? Боится, что ли, его? И чего, спрашивается, там бояться? Дистрофик на прогулке.

Альбом деда пока еще в моих руках. Я ткнул пальцем в «пеньку»:

— Что, и такая деньга есть?

Шмыгнув, алконавт вытянул шею. Цыкнул отрицательно и покачал головой:

— Не-а. Такой нет.

В принципе, ответ правильный. Это я его проверял.

— А такая?

— И такой нет. Вот червонцы есть. И все что меньше. По дешевке отдам!

Как раз и было у меня — все то, что меньше червонцев!

Дед продолжал молчать. Только стеклышками поблескивал в нашу сторону да губы поджимал неодобрительно. Что-то я и ему не верю. По Станиславскому. Уж не в паре ли он с этим молодым хмырем работает? Просто настораживает это показное равнодушие — ему тут цены сбивают, а он сопли жует. Рынок тут или... плановое хозяйствование?

— А ну покажи, что у тебя, — потребовал я у молодого, прищурившись. — Фальшивки небось?

— У меня... это... не здесь. Там. — Он махнул рукой в сторону общественного туалета за дорогой.

О-о! Знакомая тема.

Это я снаружи выгляжу как советский студент. Наивный и лопухий. Внутри же — тертый калач, и переживший девяностые, и много чего повидавший за свою жизнь. Эти прихватки — «у меня товар не здесь, а там» — родом из московской «Лужи». И они мне очень хорошо знакомы. Плавали, знаем. И что выходит? Гопники с вещевого рынка на Лужниках — теперь вовсе и не родоначальники этого развода? Тут раньше эту схему придумали?

По всем признакам, это чудо меня ограбить собирается!

А в туалете — по-всякому поделник прячется. И обязательно с крупной ряхой, откормленной на советских харчах. Ох, катится страна к своему краху, катится!

— Ну пошли. Покажешь, — вдруг неожиданно для самого себя заявил я.

Эй, ты чего, парень? Тебя кто за язык-то тянет? Или решил в орлянку с судьбой поиграть?

— Ага, покажу, — засуетился алконаркоман обрадованно. — Целая коробка денег!

— Куда идти-то?

— Пойдем-пойдем. За мной. Тут близко.

А ведь это снова шалит моя молодая половина!

Ну почему молодости не живет спокойно? Даже в моем конкретном, без всякого сомнения, фантастическом состоянии очень наглядно видно — юные бунтари упрямо нарываю-тся на неприятности даже тогда, когда прекрасно осведомлены о последствиях своих решений. Летят мотыльками на пламя свечи, даже не догадываясь, а точно зная, какой шашлык из этого может получиться! Как и в моем конкретном случае.

Что за нонсенс?

А может... иначе и нельзя? Ежели «иначе» — то это уже и не молодость вовсе по большому счету. Так... старость души. Скоропостижно наступившая.

Философия, однако.

— Ага. Пришли, — повернулся ко мне впередиидущий обладатель дешевого товара. — Проходи вперед.

Пока все по схеме — ему обязательно нужно перекрыть путь для моего возможного отступления. А может, я плохо думаю о людях? Кто мне давал право судить преждевременно?

Я шагнул внутрь туалета.

В сумрак, остро воняющий хлоркой и иной прочей гадостью. И тут же из дальнего угла справа в мою сторону качнулась темная массивная тень. И чего, спрашивается, я хотел доказать? И кому? Себе, который отчасти пока еще молодой, но уже в достаточной степени безмозглый? Или себе, который все же мозгами уже старый, но волей ослаб — ибо не в состоянии управлять своими молодыми гормонами?

Что тут и говорить.

И, кстати, судить людей уже можно? Ведь уже не «преждевременно»? Да?

— Слышь, козел, деньги давай!

Как-то так я себе все это и представлял. И почему, кстати, чуть что, сразу «козел»?

В полумраке тускло сверкнула сталь.

Финка.

Глава 4 КИТАЙСКИЕ САНТИМЕНТЫ

Ненавижу ножи.

Любые!

Нет, если там колбасу нарезать или салатик накрошить — нет никакого личного отторжения. Все ровно. Собственно, как и у всех других нормальных людей. А вот ежели со злыми намерениями, ежели кто задумал ткнуть в меня... куда-нибудь в мягкие ткани — этого я уже как-то не приемлю.

Лет в тридцать у меня появилась... или, если принять во внимание мое теперешнее состояние во времени, через дюжину лет только еще появится — шикарная дырка в правом предплечье. Сквозная, надо заметить. И в самом центре — между кистью и локтем. Из-за этой дырки я завис в больничке почти на целый месяц, потому как чуть не загнулся от сепсиса. Не соизволил злодей промыть инструмент перед употреблением.

Слов нет — есть у меня и физическая подготовка соответствующая, и с реакцией все благополучно, но... это же нож! Спасибо, конечно, приобретенным навыкам — я-таки остался жив в данном конкретном случае. Что уже не мало, ибо удар пьяно-

го неадекват, с которым я нечаянно столкнулся на темной и безлюдной улице, был нацелен мне прямехонько в живот.

О да! Атаку я заблокировал. Как и натаскивали — почти в автоматическом режиме. Но говорю же — нож! Неадекват просто дернул рукой чуть в сторону — то ли с перепугу, то ли с перепоею, и траектория удара в итоге слегка поменялась. Всего-то на пару сантиметров — не так, как я привык двигаться на тренировках. И мой отточенный часами занятий блок сам себя и насадил на грязное лезвие, летевшее мне в солнечное сплетение.

В принципе, могло быть и хуже. Сильно хуже.

Повезло, выходит.

Это в фильмах ловкие положительные герои легко и просто отбиваются от любого холодного оружия. Даже не напрягаясь особо. А то и пританцовывая, как это бывает в индийских шедеврах. Ну и напевая, разумеется. В мажоре. Как же без этого?

Не верьте, люди, киношным суперменам!

Напрягайтесь в свое удовольствие. А напрягшись, разворачивайте на сто восемьдесят градусов свое пока еще не поврежденное тельце и бегите от злодея, в руках которого неожиданно обнаружилась финка, со всех своих ног. Куда глаза глядят. Не стесняйтесь! И не тратьте время на танцы, ибо нож непредсказуем. Даже порой и для того, у кого он находится в руках. Да-да! Именно поэтому так часто со скамьи подсудимых мы слышим жалобные отмазки — «не хоте-эл убивать», «попуга-ать только решил», «не думала, не знала, не гадала».

А чего тут гадать? Это нож, батенька. Или матушка, коли так вышло.

Это подлое, злобное и очень кровавое оружие, предназначенное для убийства живых людей. Не для «попугать» и не для «поранить», а именно для убийства! Потому что никогда не можешь сказать абсолютно точно, насколько опасна для здоровья будет ножевая атака. Ведь у человека куда ни ткни — где не вена, там артерия. Или какой другой прочий жизненно важный орган.

И вообще, не дай бог вам видеть в своей жизни ножевые раны! Не говоря уже о том, чтобы ощущать их на себе. На своей тонкой, горячо любимой и такой ранимой коже. Уж лучше действительно — убегайте!

Мне, к примеру, в этом туалете убежать было уже некуда.

Кто бы мог подумать? А как же так, любезный?

А, ну да! Кто-то совершенно недавно искренне верил, что вывалят ему тут в нужнике сокровища царские. Да за копеечки

считанные, коих, к слову, у меня вообще было ни одной — с утра уже все сперли.

Э! Что вообще тут за страна такая?

Где не обворуют, так ограбят! Или вообще замочат. В сортире. А ведь... это действительно странно. Не характерно, я бы сказал, для предсказуемой в целом и от этого горячо любимой мною социалистической действительности. Но об этом потом поразмышляем.

Сейчас как-то не до политфилософии, знаете ли...

— Вы чего, ребята? — пытался я спиной вперед вглубь узкого и крайне вонючего помещения. — Нету у меня ничего. Истинный крест, нету!

— Ха! Нету, — передразнил меня чахлик, стоявший в дверях и перекрывавший выход. — А к цацкам чего приценивался? А ну гони давай хрусты, пока не порезали!

Второй тип — джинн из клозета — продолжал молча на меня напирать, выставив перед собой лезвие.

Плохо.

Морда у этого второго и действительно оказалась на загляденье — шириной в две моих! Щеки — глаз не видно и нос картофаном. С комплекцией тоже все было в порядке — под центнер. Как и ожидалось. А я что говорил? Эх, как дал бы... сам себе по шее!

Сейчас дадут, не волнуйся. Помогут.

— Да общитесь! — добавил я в голос истерики, не забывая чутко сканировать диспозицию. — Все ваше, что найдете.

Можно рвануть на выход и крутнуть чахлика, загораживающего путь к свободе, в сторону его подельника. Потому как именно со стороны второго — главная опасность: оттуда маячит вектор ножевой атаки. Но, во-первых, все же какой-то риск по-любому остается, так как не знаю я уровня подготовки этих отморозков, а во-вторых — есть еще весомый шанс договориться миром. Лучший бой — тот, что не состоялся. Да и денег у меня все равно нет, ради чего уж тут бычить и геройствовать?

— Сам достанешь. Много чести тебя обыскивать, — буркнул громила, медленно приближаясь. — Кончай базлать, сморчок! Гони лопатник.

Урка. К гадалке не ходи.

И не только по лексикону.

Ножом не играет, держит твердо перед собой. И двигается правильно. Чуть наискосок от меня и по дуге. На центральной

оси возможной атаки остается лишь нож и... я собственной персоной. Две точки одной прямой. Очень плохо.

Обладатель крупного лица и зэковских прихваток уже рядом с выходом — там, где маятся в светлом проеме лицо поменьше. Мои шансы на силовой уход резко пикируют в сторону грунта — без потерь через двоих пробиться практически нереально. Хоть бы зашел кто. Как специально — ни одного страждущего! Пиво в городе закончилось?

Я перестал пятиться и миролюбиво поднял руки.

— Все, дружище. Успокойся. Убери ножичек свой, куда я уже не денусь.

— Что у тебя там?

— Где?

— Под свитером, за ремнем.

Я глянул вниз.

Одежка задралась и виднеется красная обложка общей тетради.

— А что там? Ничего. Тетрадка просто. Конспекты.

— Давай сюда.

— Зачем тебе, дорогой?

— Давай, я сказал!

Блин, эта тетрадочка для меня дороже любых денег. Но... не дороже телесных повреждений колюще-режущего характера.

— Ну, на-на. Посмотри. Не нервничай только!

Я протянул святыню своему неприятному собеседнику. Тетрадь тут же выпорхнула из рук. Только не в лужу!

Неожиданно на входе послышались раздраженные голоса. Похоже, бог услышал мои молитвы — нашего писающего полку прибыло. Слава урине, пивмэнам слава!

Громила покосился на шум и... вдруг что-то произошло.

Что-то в мире изменилось. Глобально.

В первый миг я даже не сообразил, что именно. Просто скандальный гвалт снаружи вдруг резко оборвался, и в мире воцарилась мертвая тишина. То есть — абсолютно мертвая! Даже без еле слышного городского шума, далекого плеска волн и шороха ветра в голых ветвях деревьев. Всего того, на что ты обычно и внимания не обращаешь, но, когда этот фон внезапно пропадает, ощущение — словно по ушам хлопнули. До онемения в барабанных перепонках.

Рука еще заныла. В той точке, где у меня в будущем появится шрам от ножевого ранения.

С чего бы это?

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Что такое осень? Это...	5
<i>Глава 2.</i> Мини-Карелия	16
<i>Глава 3.</i> Демпинг по-русски	25
<i>Глава 4.</i> Китайские сантименты	31
<i>Глава 5.</i> Сохнем	40
<i>Глава 6.</i> Хрусталка	47
<i>Глава 7.</i> Аки скворец из песни	55
<i>Глава 8.</i> С огоньком	64
<i>Глава 9.</i> Заезженный Голливуд	70
<i>Глава 10.</i> Допуски и посадки	77
<i>Глава 11.</i> Друзья-козлы	83
<i>Глава 12.</i> Практическая геометрия	89
<i>Глава 13.</i> Мои соболезнования	95
<i>Глава 14.</i> Честная пирамида	101
<i>Глава 15.</i> Рыбчайкоморская тема	108
<i>Глава 16.</i> Двухэтажная квартира	115
<i>Глава 17.</i> Собачья философия	121
<i>Глава 18.</i> Эрогенные зоны	128
<i>Глава 19.</i> Непрошибаемый авось	134
<i>Глава 20.</i> Устами младенца	140
<i>Глава 21.</i> Сахарок карамелью	145
<i>Глава 22.</i> Сны во сне и наяву	153
<i>Глава 23.</i> Монтировочная стимуляция	159
<i>Глава 24.</i> Синяя яма	165
<i>Глава 25.</i> Приют для неприкаянных душ	171
<i>Глава 26.</i> Сам погибай...	177
<i>Глава 27.</i> В атмосфере дружбы и взаимопонимания	182
<i>Глава 28.</i> Сыщики — поискать!	188
<i>Глава 29.</i> Анфан террибль	195
<i>Глава 30.</i> Что-то носится в воздухе	201
<i>Глава 31.</i> Бешеный	207
<i>Глава 32.</i> Молодо-зелено	213
<i>Глава 33.</i> Как поссорились «эшка» с «кашкой»	219

<i>Глава 34.</i> «Кривые глухие окольные тропы»	225
<i>Глава 35.</i> Каракачанка в третьем колене	231
<i>Глава 36.</i> Горячие финские парни	237
<i>Глава 37.</i> Ангелы-хранители.	243
<i>Глава 38.</i> Горький, но поучительный рассказ, или Самая длинная глава романа	250
<i>Глава 39.</i> Солнечное затмение	260
<i>Глава 40.</i> Боже, царя храни	267
<i>Эпилог</i>	275